

ДИСКУРС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ольга Фредовна Русакова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
rusakova_mail@mail.ru

Получена 19.05.2023.

Поступила после рецензирования 05.06.2023.

Принята к публикации 07.06.2023.

Для цитирования: Русакова О.Ф. Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 2. С. 32-51. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_32

Аннотация

Статья посвящена исследованию способов взаимосвязи и взаимовлияния двух дискурсивных конструктов – дискурса политики памяти и дискурса политики идентичности, рассматриваемых применительно к современным российским реалиям. Актуальность работы обусловлена высоким интересом представителей власти и научной общественности к данной проблематике, задачами изучения структурных компонентов этих дискурсивных образований, в частности, ценностных и символических. В официальном дискурсе особое внимание уделяется вопросу, какие ценностные установки должны сформировать внутреннюю структуру российской национальной идентичности. В настоящее время обозначились основные подходы к репрезентации базовых традиционных ценностей, что нашло концептуальное освещение в ряде официальных политических источников. В ходе анализа работ российских политологов, посвященных изучению способов взаимосвязи политики

© Русакова О.Ф., 2023

идентичности и политики памяти, сделан вывод, что для большинства исследователей государственная политика памяти является лишь контекстуальным элементом более объемного понятия, каковым выступает дискурс национальной идентичности. Только в одной из работ удалось обнаружить ряд понятий, объясняющих, каким образом дискурс политики памяти формирует составные компоненты дискурса национальной идентичности. В статье представлено авторское определение государственной политики памяти, в котором пробрасывается теоретический мостик к пониманию механизмов взаимосвязи политики памяти и политики национальной идентичности. Автором рассматриваются символические образы Великой Победы и их ценностное содержание. В заключительной части исследования определяются основные задачи теоретико-методологического плана, от успешного решения которых зависит конструктивное развитие проблематики.

Ключевые слова:

официальный дискурс, государственная политика памяти, политика идентичности, российская национальная идентичность, традиционные ценности, историческая память, символы Великой Победы.

UDC 32

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_32

THE DISCOURSE OF THE STATE MEMORY POLITICS AS A FACTOR IN THE FORMATION OF THE NATIONAL IDENTITY OF MODERN RUSSIA

Olga F. Rusakova,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
rusakova_mail@mail.ru

Received 19.05.2023.

Revised 05.06.2023.

Accepted 07.06.2023.

For citation: Rusakova, O.F. (2023). The Discourse of the State Memory Politics as a Factor in the Formation of the National Identity of Modern Russia. *Discourse-P*, 20(2), 32–51. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_32

Abstract

The article explores the ways of interrelation and mutual influence of two discursive constructs – the discourse of memory politics and the discourse of identity politics, considered in relation to modern Russian realities. The relevance of the research is due to the high interest of government representatives and the Russian scientific community in this issue along with the tasks of studying the structural components of these discursive formations, in particular, value-based and symbolic ones. In the official discourse, special attention is paid to the question of which values should form the internal structure of the Russian national identity. Currently, the main approaches to the representation of the basic traditional values have been revealed, which has found conceptual coverage in a number of official political sources. While analyzing the works of Russian political scientists on the ways of interrelation of identity politics with memory politics, it was concluded that for most researchers, the state memory politics is just a contextual element of a more extensive concept, which is the discourse of national identity. Only in one of the works, it was possible to find a number of concepts explaining how the discourse of memory politics forms the constituent components of the discourse of national identity. The article presents the author's definition of the state memory politics, which theoretically bridges understanding the mechanisms of the relationship between the memory politics and the politics of national identity. Symbolic images of the Great Victory and their value content are considered. In the final part of the study, the main theoretical and methodological tasks are specified, since their successful solution defines the constructive development of the issue.

Keywords:

official discourse, state memory politics, identity politics, Russian national identity, traditional values, historical memory, symbols of the Great Victory.

Введение

В последнее десятилетие в научно-гуманитарных кругах России заметно возрос интерес к таким когнитивно-методологическим вопросам, как изучение способов создания и форм взаимосвязи двух дискурсивных конструктов, а именно дискурса государственной политики идентичности и дискурса государственной политики памяти. К числу объективных факторов актуализации данной проблематики мы относим структурные трансформации, происходящие сегодня в государственно-территориальном устройстве России, начало которым положило такое знаковое в историческом плане событие, как «возвращение Крыма в родную гавань» в 2014 г. Это привело к появлению во внутренней структуре РФ двух новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Данные изменения стали следствием установления на Украине неонацистского политического режима как результата государственного переворота, поддержанного США и большинством государств Евросоюза.

Вхождение населения и территории Крыма в состав России вызвало у большинства россиян эмоциональный подъем и надежду на радикальное об-

новление политического курса собственного государства. В массовом сознании стал формироваться образ будущей России как государства сильного, державного, сравнимого по масштабам своих миссионерских замыслов с Советским Союзом, т. е. образ такой страны, достижениями которой можно смело гордиться.

Крымские события стали триггером для прокатившейся по Украине «русской весны» – массовых выступлений граждан, выступавших с призывами отделения от Украины и присоединения к России. Но посредством использования вооруженных бандеровских формирований новой украинской власти удалось подавить пророссийские настроения в большинстве регионов страны, кроме Донбасса. На Донбассе движение присоединения к России укрепило свои позиции в ходе вооруженной борьбы с украинско-бандеровской властью, что в итоге привело к его институционализации в форме образования двух тогда еще непризнанных республик – Донецкой народной республики (ДНР) и Луганской народной республики (ЛНР). Однако для решения вопроса об их вхождения в состав России потребовалось более восьми лет, вплоть до объявления Президентом РФ 24 февраля 2022 г. о начале проведения на Украине специальной военной операции (СВО). Поводом для нее стало высказанное В. А. Зеленским намерение получить от стран НАТО ядерное оружие¹.

Проведение СВО вызвало у многих западных «партнеров» РФ резко негативную реакцию, приведшую к принятию многочисленных санкций с целью ослабления ее внешнеполитических и внутривнутриполитических позиций. В странах Европы, с которыми у России за все время ее вхождения в мировую капиталистическую систему сложились тесные взаимосвязи, стала нагнетаться бурная волна осуждения вооруженной борьбы против неонацистской власти на Украине и поддерживающего ее военно-политического блока НАТО. При этом заметно активизировались ранее законсервированные настроения и практики русофобии.

Происходящие на внешнем и внутреннем контуре России политические трансформации получили отражение в идейно-концептуальной деятельности российской власти, что, в частности, привело к появлению официальной установки на обновление существующих представлений о содержании и структурных компонентах национальной идентичности современной России, о наполнении ее новым ценностным содержанием, а также о взаимосвязи политики идентичности с задачами защиты исторической памяти. Внимание руководства страны к решению такой сложной теоретико-методологической проблемы, как соотношение национальной идентичности и исторической памяти (политики идентичности и политики памяти), закономерно получило отклик у российской научной общественности, которая попыталась представить собственные подходы к ее разработке. В связи с этим настоящая статья посвящена характеристике официальной точки зрения на указанную проблему и рассмотрению позиций отечественных исследователей относительно способов ее репрезентации.

¹ МИД назвал заявление Киева о ядерном оружии «перевернувшим ситуацию» (2022, 24 февраля). РБК. Взято 25 апреля 2023, с <https://www.rbc.ru/politics/24/02/2022/6217941e9a794729705e59ce>

Властный российский дискурс о ценностных аспектах формирования национальной идентичности

В последнее время в официальных кругах России заметно возрос интерес к вопросам формирования национальной идентичности, что напрямую связано с усилением активности и самостоятельности на внешнеполитическом треке, с возросшим укреплением суверенитета, с возникшими в условиях нарастания противостояния между Западом и Россией новыми задачами ее борьбы против враждебных деструктивных течений, систем ценностей, фальсификаций ее исторического прошлого.

Согласно новым официальным источникам, в настоящее время со всей остротой встает вопрос о важности глубокого закрепления в массовом сознании россиян представлений об общности их исторической судьбы, укреплении и защите системы традиционных духовно-нравственных ориентиров, составляющих ценностное ядро национальной идентичности.

Главная и ответственная миссия в формировании сложного когнитивного образования «российская национальная идентичность», безусловно, принадлежит государственным институтам, политика которых направлена на конструирование и идеологическое продвижение системы духовно-нравственных ценностей, составляющих матричное ядро указанного феномена. В этой связи в официальном дискурсе в последнее время особое внимание отводится вопросам концептуального осмысления набора традиционных духовно-нравственных ценностей, а также стратегическим задачам их освоения, распространения и защиты (Карпович, Смагина, 2023).

Важно отметить, что в официальных документах существует категориальная неопределенность в употреблении понятия «национальная идентичность»: в одних она обозначается как «цивилизационная идентичность»², в других – «гражданская идентичность»³. И только в ряде последних высту-

² Владимир Путин. Россия: национальный вопрос (2012, 23 января). *Независимая газета*. Взято 25 апреля 2023, с https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html?ysclid=liflho5il238666731

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» (2015, 29 мая). *Правительство России*. Взято 25 апреля 2023, с <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf>; Распоряжение Правительства Российской Федерации № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» (2016, 29 февраля). *Правительство России*. Взято 25 апреля 2023, с <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9Ixp7f2xm.pdf>; Указ Президента Российской Федерации № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (2021, 2 июля). *Президент России*. Взято 25 апреля 2023, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>; Указ Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей» (2022, 9 ноября). *Президент России*. Взято 25 апреля 2023, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

плений Президента России В.В. Путина используется термин «национальная идентичность»⁴. Так, выступая на последнем заседании Российского организационного комитета «Победа» 15 ноября 2022 г. (спустя 6 дней после издания Указа «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»), В.В. Путин произнес следующую фразу: «Основой нашей *национальной идентичности* (выделено нами. – О.Р.) были и остаются преемственность поколений, верность традициям, высокие духовно-нравственные ориентиры... Как вы знаете, недавно были утверждены и Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей. *В их число, безусловно, входит и историческая память* (выделено нами. – О.Р.)»⁵.

Другими словами, в государственном дискурсе историческая память рассматривается главным образом в качестве одного из структурных компонентов богатого набора традиционных ценностей, составляющих основу национальной идентичности России. Но вместе с тем понятие «историческая память» фигурирует в официальных документах еще и в качестве одного из *доминирующих стратегических приоритетов национальной политики, связанной с защитой традиционных российских ценностей*. Вот как об этом говорится в Указе Президента «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»: «Реализация *стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти»* (выделено нами. – О.Р.) предполагает решение следующих задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей: а) укрепление гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности и российской самобытности, межнационального и межрелигиозного согласия на основе объединяющей роли традиционных ценностей; б) *сохранение исторической памяти, противодействие попыткам фальсификации истории, сбережение исторического опыта формирования традиционных ценностей и их влияния на российскую историю* (выделено нами. – О.Р.), в том числе на жизнь и творчество выдающихся деятелей России»⁶.

При внимательном рассмотрении данного фрагмента мы обнаруживаем некоторое противоречие в трактовке понятия «историческая память»: оно позиционируется то в качестве одной из ключевых задач, требующих государственной защиты и сохранения *наряду с духовно-нравственными ценностями и культурой, то как составной элемент системы духовно-нравственных ценностей*, на осно-

⁴ Путин: Национальная идентичность лежит в основе мощи России (2022, 5 декабря). *Российская газета*. Взято 25 апреля 2023, с <https://rg.ru/2022/12/05/putin-nacionalnaia-identichnost-lezhit-v-osnove-moshchi-rossii.html?ysclid=lie89kudp4307752398>

⁵ Заседание оргкомитета «Победа» (2022, 15 ноября). *Президент России*. Взято 25 апреля 2023, с <http://www.kremlin.ru/events/councils/69836>

⁶ Указ Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей» (2022, 9 ноября). *Президент России*. Взято 25 апреля 2023, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

ве которых происходит формирование национальной идентичности. В первом случае историческая память выступает как *равноправный с традиционными ценностями объект рассмотрения*, во втором – как *одна из многочисленных традиционных ценностей*, входящая в их обширный набор.

Такая же противоречивая трактовка понятия «историческая память» содержится в тексте более раннего президентского Указа «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»⁷, где в отдельно выделенном заголовочном пункте «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» понятие «историческая память» поставлено в один ряд с духовно-нравственными ценностями и культурой, а не «упаковано» в их внутреннее содержание.

Следует отметить, что в последнем из названных указов понятие «историческая память», представляемое в качестве одной из традиционных ценностей, которые требуют своего сохранения, укрепления и защиты, часто соседствует с близкими ему по смыслу понятиями, такими как «историческая правда», «противодействие фальсификациям истории», «сбережение исторического опыта».

В других официальных документах, в частности, в Распоряжении Правительства Российской Федерации «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года», в качестве важных задач культурной политики России, связанных с формированием и укреплением национальной идентичности, отдельным пунктом выделено «*противодействие искажению российской истории и пересмотру взглядов на историю России, ее роли и места в мировой истории*» (выделено нами. – О.Р.)⁸. В президентском Указе «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в перечне важных национальных приоритетов, наряду с термином «историческая память» фигурируют такие понятия, как «*культурно-исторические ценности*», «*сохранение культурного и исторического наследия народов России*»⁹. Все перечисленные термины, родственные по смыслу понятию «историческая память», выполняют функцию конкретизирующих форматов по отношению к данной категории.

Бросается в глаза смысловая неоднозначность и разноплановость применения в официальном политическом дискурсе понятия «историческая память». Под исторической памятью подразумевается и конкретная духовно-нравственная ценность, и одна из стратегических приоритетных задач в деле защиты российских традиционных ценностей, и инструмент воспитания граждан, и фак-

⁷ Указ Президента Российской Федерации № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (2021, 2 июля). *Президент России*. Взято 15 декабря 2022, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» (2016, 29 февраля). *Правительство России*. Взято 25 апреля 2023, с <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf>

⁹ Указ Президента Российской Федерации № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (2021, 2 июля). *Президент России*. Взято 25 апреля 2023, с www.kremlin.ru/acts/bank/47046

тор противодействия враждебным России идеологиям, и инструмент борьбы с искажениями исторической правды, и средство противоборства попыткам искажения и фальсификациями исторических фактов, и система определенных практик политических коммемораций¹⁰.

На наш взгляд, такая смысловая неоднородность и многоплановость в использовании данного понятия объясняется главным образом отсутствием в официальном политическом лексиконе термина «*политика памяти*», посредством применения которого в качестве «зонтичной» категории вполне удалось бы преодолеть разнородность и «пестроту» всего богатого спектра применения этого термина. Ведь именно политика памяти как относительно самостоятельная управленческая политическая теория и практика, собственно, и призвана выполнять все названные функции, связанные с исторической памятью.

Особо отметим, что вопрос о формировании национальной идентичности в настоящее время рассматривается в научной среде в качестве важной компетенции такой отдельно выделяемой отрасли гуманитарного знания, как *политика идентичности* (Попова, 2020; Семенов, 2020; Фадеева, 2021 и др.). Под политикой идентичности принято понимать одно из «важнейших направлений государственной политики по конструированию образа нации, государства, сплочения граждан, обеспечения единства населения, гарантирующего устойчивость политической системы и политического режима» (Попова, 2020, с. 89). Рассмотрение вопроса о специфических формах взаимосвязи политики памяти и политики идентичности должно, на наш взгляд, пролить свет на теоретико-методологическую проблему, касающуюся сути и характера факторного влияния политики памяти на процесс формирования национальной идентичности государства как особой целостной системы. В этой связи обратимся к работам отечественных авторов, в которых предлагаются собственные оригинальные подходы к ее решению.

Освещение проблемы взаимосвязи аналитических концептов политики идентичности и политики памяти в работах российских политологов

Выделенная проблематика получила частичную разработку в ряде трудов зарубежных исследователей (Ассман, 2016; Ассман, 2018; Шеррер, 2009; Bottici, 2010; Eder & Spohn, 2016; Stoicheva, 2018 и др.), а также в работах российских авторов. Среди отечественных ученых, обративших в последние годы специальное внимание на проблему взаимосвязи концептов политики идентичности и политики памяти, следует в первую очередь отметить труды И. С. Семенова (Семенов, 2018а, 2018б, 2020), О. В. Поповой (Попова, 2019а, 2019б, 2020), В. В. Титова (Титов, 2017, 2019), Л. А. Фадеевой (Фадеева, 2021, 2022). В них оба аналитических концепта рассматриваются с позиции методологии конструктивизма, согласно которой политика идентичности и политика

¹⁰ Заседание оргкомитета «Победа» (2022, 15 ноября). *Президент России*. Взято 25 апреля 2023, с <http://www.kremlin.ru/events/councils/69836>

памяти представляют собой ментальные конструкты, которые могут трансформироваться и использоваться в инструментальных целях. Для описания конкретных национальных и наднациональных форм политик памяти и идентичности авторы часто прибегают к аксиологическому (ценностному), контекстуальному, нарративному и политико-символическому подходам. С точки зрения тематики нашего исследования, главное в этих работах состоит в том, что в них предпринимаются попытки выявления механизмов и способов взаимосвязи и взаимовлияния политики памяти и политики идентичности.

Так, например, И. С. Семененко в одной из своих статей (Семененко, 2018а) пишет, что в странах Восточной Европы политика памяти оказалась в центре ожесточенной борьбы за новую государственную политику идентичности, а коммеморативные практики (практики увековечивания памяти) превратились в ключевой инструмент этой борьбы. Автор отмечает, что нация посредством измененной официальной политики памяти получает возможность удостоверить свою новую идентичность, а также увидеть и лучше понять иное (с. 67). По мнению исследователя, политика памяти выступает ключевым направлением политики идентичности (с. 65). При этом одну из ведущих ролей в деле целенаправленного конструирования национальной идентичности и одновременно нарративов политики памяти играет сфера образования, которая призвана выполнять две разновекторные функции: 1) быть медиатором доминирующей культуры и языка для поддержания существующей формы национальной идентичности; 2) продвигать принципы этнического и культурного разнообразия, т. е. способствовать формированию «разделенной идентичности» и «разделенной памяти» (с. 68, 73). Возникновение «разделенных памятей и идентичностей» обусловлено тем, что регионы с высокой степенью автономности, как правило, стремятся к формированию собственной, отдельной от других, региональной идентичности, основанной на «своей истории», своей культуре и языке (с. 72). В этой связи, считает автор, для поддержания общего пространства памяти в едином поле государственной идентичности требуется осуществление тонкой настройки механизмов политики памяти, основанных на принципе диалогизма (с. 70).

В другой своей статье (Семененко, 2020), посвященной рассмотрению коммеморативных практик европейских музеев истории XX в., исследователь подчеркивает, что политика памяти – «ключевое направление проводимой сегодня национальным государством политики идентичности», где в качестве инструмента такой политики выступает новая экспозиционная политика музеев истории (с. 16). Утверждается, что «формирование идентичности стало ключевой проблемой практической политики государства. Согласно автору, государственную политику идентичности сегодня принято рассматривать как целенаправленную и ценностно ориентированную управленческую стратегию. Среди ее основных направлений «можно особо выделить политику в сфере образования и пересекающуюся с ней сферы языковой политики, символической политики и политики памяти» (с. 17). Экспозиции государственных музеев, посвященные разным аспектам осмысления исторического и социального опыта XX в., «вписываются, явно или неявно, в контекст проводимой государством политики идентичности... Складывающаяся в таких пространствах культура

памяти переформатирует информацию о социальных процессах прошлого в актуальные для сегодняшнего дня смыслы, а нарративы, толкующие реалии недавнего прошлого, – в дискурсы, утверждающие эти реалии как современную реальность. Это особенно актуально для поколений, которые не имеют опыта непосредственного соприкосновения с трудным прошлым» (с. 18). Благодаря наглядным образам прошлого, репрезентируемым в экспозициях музея, властные институты продвигают собственные официальные нарративы, выстроенные в контексте национально-государственной политики идентичности. В идеале, отмечает автор, музейное пространство «ориентировано на поиски политического консенсуса граждан через исторический нарратив, приемлемый для разных социальных групп и способный работать на общественную консолидацию и социальную стабильность» (с. 19). И. С. Семененко также ставит вопрос, каким образом возможно преодоление конфликтных интерпретаций прошлого в целях формирования общественного согласия, «как неконфликтно соединить разные идентичности и разные ценности, как заставить их работать на общее будущее», что на практике должно отвечать «повестке дня политики идентичности в демократическом обществе» (Семененко, 2020, с. 20). Интересно, что в качестве примера неконфликтного соединения разноплановых идентичностей и ценностных ориентаций в рамках музейной практики исследователь приводит открытый в 2018 г. в Китае объединенный городской музей истории Шанхая и истории революции, который явно нельзя назвать опытом, выстроенным по канонам демократической политики идентичности и политики памяти. Делая ссылку на авторитетного российского китаевода А. В. Ломанова, автор констатирует, что китайский исторический нарратив создается «сверху» и контролируется властным дискурсом. «Места для альтернативных трактовок просто нет, государственный нарратив синтезирует все «полезные для китайского общества» подходы» (с. 21).

Тем не менее И. С. Семененко продолжает рассуждать о потребности в переведении «конфликта идентичностей» в «диалог идентичностей», о важности приглашения к «диалогу между людьми, по-разному воспринимающими общее прошлое». Именно в этом, считает автор, состоит «интегральная часть политики идентичности, поле для взаимодействия разных ее субъектов» (Семененко, 2020, с. 26). Современные музеи могут стать передовыми площадками для нарративных диалогов о трудном прошлом, поскольку сама потребность в диалоге является неотъемлемой составляющей, ориентированной на развитие политики идентичности (с. 28).

Итак, согласно И. С. Семененко, соотношение между политикой памяти и политикой идентичности предстает в трех основных ракурсах: 1) политика памяти – ключевое направление, проводимой государством политики идентичности; 2) политика памяти – контекстуальный план политики идентичности; 3) внутри политики памяти уже заложена интенция на формирование государственной идентичности. Как видим, автор использует для описания ситуации взаимодействия между политикой памяти и политикой идентичности весьма общие и предельно абстрактные слова-связки: «направление», «контекст», «интенция», посредством которых трудно понять и раскрыть реальные механизмы их взаимодействия и взаимовлияния.

Другой известный политолог О. В. Попова рассматривает инфраструктуру политики памяти в качестве одного из структурных компонентов политики идентичности, представляющей соединение следующих элементов: «идеологическое обоснование борьбы с внутренними и внешними врагами, акцентирование исторической миссии своего государства с использованием морализаторской риторики; комплексная инфраструктура для поддержания исторической памяти; официальный дискурс обращений и посланий глав государств; интерпретация содержания и символики государственных праздников; образовательная политика, символическое привлечение в осуществлении политики исторической памяти государственных органов, институтов гражданского общества, политических лидеров других государств, руководителей международных организаций». Кроме того, как отмечает автор, важным элементом политики государственной идентичности является процесс самоопределения «относительно значимых «других» государств и международных организаций» (Попова, 2020, с. 96).

Автор предлагает следующую трактовку соотношения политики памяти и политики идентичности: «Стандартные технологии формирования государственной политики идентичности традиционно опираются на историческую политику или политику памяти как некий политический конструкт. Главное в политике памяти – не историческая правда, а выстраивание комплексного образа прошлого, включающего эмоциональный, когнитивный и символический компоненты» (Попова, 2020, с. 96). Как видим, политика памяти трактуется здесь как некая сумма технологий, благодаря применению которых формируется государственная политика идентичности; при этом осуществляется процесс конструирования эмоционального и символического образа прошлого. В представленной схеме мы можем выделить только один момент новизны: применение технологического подхода при рассмотрении вопроса о соотношении политик памяти и идентичности как взаимосвязанных феноменов и концептов.

В монографии В. В. Титова, в главе «Теоретические аспекты изучения национально-государственной идентичности и политики памяти», в отдельном параграфе под названием «Политика памяти как инструмент формирования национально-государственной идентичности» (Титов, 2017, с. 41–58), используется в качестве слова-связки понятие «инструмент». Автор следующим образом описывает его действие: «Ключевая «элементарная частица» политики памяти – не аргумент и его «правильная подача», «привязанная» к конкретной политической ситуации, а эмоционально окрашенное историческое представление. Совокупность таких представлений и образует интегративный образ прошлого, на основании которого выстраивается национально-государственная идентичность» (с. 48). Далее автор констатирует, что данный процесс осуществляется «при помощи исторических сюжетов, выступающих фундаментальным основанием ключевых идентификационных образов, с которыми ассоциирует себя общество» (с. 56).

Итак, зафиксировав, что, согласно В. В. Титову, воздействие политики памяти на процесс формирования национальной идентичности осуществляется посредством создания исторических сюжетов, транслирующих фундаментальные идентификационные образы, с которыми общество способно себя ассоциировать.

Далее автор описывает систему стратегических установок политики памяти, благодаря которым осуществляется процесс формирования «идентификационной матрицы общества». Она включает стратегию управления социально-политическими эмоциями, стратегию управления политическими смыслами, стратегию управления политическими символами (Титов, 2017, с. 56). Таким образом, в работе В.В. Титова представлены важные уточнения относительно механизмов взаимодействия политики памяти с политикой идентичности, поскольку в качестве медиаторов в ней рассматриваются, во-первых, создаваемые политикой памяти посредством исторических сюжетов идентификационные образы прошлого, во-вторых, стратегические установки политики памяти, нацеленные на управление политическими эмоциями, смыслами и символами.

В статье Л. А. Фадеевой акцент сделан на сопряженности политики памяти и политики идентичности как аналитических концептов и политических курсов (Фадеева, 2022). Эта сопряженность раскрывается посредством изучения попыток согласования разнообразных концептуальных трактовок, касающихся в первую очередь периода Второй мировой войны и последующих после нее трансформаций политического устройства европейских государств с установкой на формирование общеевропейской идентичности, включая вопрос об ее ценностном наполнении (с. 80). Особое внимание в раскрытии поставленной проблемы автор уделяет вопросам, связанным с поисками новых научных категорий, посредством применения которых возникают дополнительные возможности для описания тонких нюансов, характерных для европейской идентичности, построенной на основе общей памяти, системы ценностей и культурного наследия. В число таких категорий включаются понятия «политика принадлежности» и «диссонанс наследия» (некомфортное чувство дисгармонии, конфликтности, неловкости) применение которых должно было привести к наступлению состояния реальной интеграции европейского сообщества, т. е. к формированию общеевропейской идентичности (с. 83). Вместе с тем, согласно Л. А. Фадеевой, негативную роль при решении задачи достижения консенсуса как в концептуальных установках европейской политики памяти, так и в ценностном содержании политики идентичности сыграл фактор их секьюритизации, связанный со смещением фокуса основного внимания на задачу жесткого противостояния внешним угрозам. В результате вместо консолидации стал усиливаться процесс рассогласованности стратегических установок и нарративов, затронувший обе формы европейской политики, а именно политику европейской памяти и политику европейской идентичности (с. 90).

Рассмотренные нами концептуальные установки ряда известных российских политологов относительно соотношения дискурса государственной политики памяти и дискурса государственной политики идентичности показывают, что дискурс государственной политики памяти чаще всего выступает в роли прикладного, технологического элемента того, что представляет собой более широкий по объему когнитивный конструктор, обозначаемый как дискурс национальной (государственной) идентичности. Установка на рассмотрение дискурса политики памяти либо в качестве внутреннего структурного компонента политики идентичности, либо как одного из направлений реализации данной политики (наряду с образовательной и культурной политиками) не позволяет,

на наш взгляд, раскрыть характер самого механизма превращения структурных компонентов политики памяти, включая создаваемые исторические образы и смыслы, во внутренние ценностные, культурно-образовательные и иные основания политики национальной идентичности.

С нашей точки зрения, дискурс политики памяти вполне способен выступать в роли относительно самостоятельного, эффективно действующего фактора, формирующего новые тренды в развитии политики государственной идентичности. В этой связи считаем вполне назревшим вопрос о переконструировании распространенной в российских научных кругах теоретической схемы и сосредоточении основного внимания на конкретных механизмах, способах и технологиях, обеспечивающих взаимодействие и взаимовлияние политики памяти и политики идентичности. С учетом такой постановки вопроса мы предлагаем ввести в научный лексикон следующее определение государственной политики памяти: *система управленческой деятельности государственных институтов, в которой посредством применения ряда инструментальных подходов осуществляется определенная интерпретация прошлого, конструируются политически значимые нарративы, смыслы, образы, символы, мифы, воздействующие на мировоззренческие и ценностные установки граждан, на их эмоциональный настрой и закрепляющие в массовом сознании устойчивые представления об общности исторической памяти народа, о значимости и ценности тех или иных исторических событий и фигур, выполняющих роль когнитивных, эмоциональных и символических скреп для формирования ценностного ядра национальной идентичности государства.*

Дискурс политики памяти как инструмент закрепления в сознании россиян ценностей и символических образов Великой Победы

Процесс формирования национальной идентичности посредством определенных дискурсов государственной политики памяти лучше всего проиллюстрировать, взяв за основу анализа такую общественно значимую историческую ценность, как Великая Победа. Именно она является важным стержневым компонентом как дискурса актуальной политики памяти, так и дискурса идентичности современной России. Кроме того, исторический дискурс Великой Победы и связанные с ним образы, символы, эмоции выступают предметом особого внимания не только официальной политики памяти и политики идентичности, но также институтов гражданского общества, которые играют не меньшую роль, чем институты государственной власти, в деле закрепления символических образов Победы в коллективной памяти россиян.

В этой связи мы решили обратиться к рассмотрению фактов актуализации таких символов Великой Победы, как Знамя Победы, День Победы и Мавзолей Ленина, фигура Сталина как генералиссимуса Победы, посредством которых в наше время осуществляется формирование новой национальной идентичности России.

Знамя Победы. Данный символ сегодня широко используется бойцами СВО, поскольку для многих россиян и бывших советских граждан, проживающих за рубежом, Знамя Победы несет в себе особый сакральный смысл,

является и святыней, и символом гордости за историческую Победу советской Родины (вспомним знаменитую бабушку, которая вынесла из дома Красный флаг, думая, что перед ней русский солдат, и объяснила, что именно с этим флагом побеждали ее предки в годы Великой Отечественной войны).

Практики водружения Знамени Победы над поверженным Рейхстагом символически повторяются в наше время в ходе освобождения городов Украины от украинских нацистов. Знамена Победы сегодня развеваются над местами памяти, там, где погибли и захоронены не только советские военнослужащие, но и современные защитники Донбасса. Так, еще в 2014 г. один из корреспондентов писал: «И вот в первых числах сентября 2014 г. над высотой (Саур-Могила. – О.Р.) подняты флаг Донецкой народной республики, Андреевский флаг, флаг Северного флота и – главное! – Знамя Победы в Великой Отечественной войне, как символ нынешней победы Ополчения над карателями!» <...> И этот памятник еще восстановят! Обязательно восстановят!»¹¹

Ровно через 8 лет, в сентябре 2022 г., произошло знаковое событие не только для Донбасса, но и для всей России – восстановление Саур-Могилы. Об этом в своем обращении к участникам торжественной церемонии открытия обновленного мемориала говорил В. В. Путин: «Саур-Могила, как и Сапун-гора, Мамаев курган, стали для нас великими святынями, за которые насмерть стояли наши отцы, деды и прадеды. <...> Мы – плоть от плоти наших Героев. И воссоздание мемориала защитникам Донбасса, мужество наших солдат, офицеров и ополченцев – это предупреждение всем, кто отрекся от своих предков и забыл уроки истории»¹².

День Победы и Мавзолей Ленина. Ритуалы памяти, связанные с Днем Победы, всем хорошо известны: военный парад на Красной Площади, шествие Бессмертного полка, возложение цветов к памятнику Неизвестного солдата, чествование ветеранов. Однако ритуальные действия в этот день не во всех своих проявлениях соответствуют народной памяти о советском церемониале празднования Дня Победы. Например, у значительной части населения страны вызывает протест такая относительно новая ритуальная акция, впервые предпринятая властями в 2005 г., как заколачивание фанерой Мавзолея Ленина накануне празднования Дня Победы. Этим действием представители власти демонстрируют, на наш взгляд, свое непонимание (или нежелание понимать), что сам Мавзолей является весьма важным символом Победы. Неслучайно именно к его подножью 24 июня 1945 г. во время знаменитого Парада Победы советские воины бросали нацистские знамена и штандарты. Эта военно-театрализованная акция была пропитана высоким по накалу эмоциональным смыслом, пронизана глубокой исторической поучительностью. Она наглядно показывала, какая позорная участь ожидает тех, кто разделяет идеи мирового нацизма. Данная «акция

¹¹ Фото дня. Знамя Победы в Великой Отечественной войне водружено над Саур-Могилой под Донецком (2014, 3 апреля). *Блог Сергея Филатова*. Взято 25 апреля 2023, с <https://serfilatov.livejournal.com/1902300.html>

¹² Видеообращение к участникам церемонии открытия восстановленного мемориального комплекса «Саур-Могила» (2022, 8 сентября). *Президент России*. Взято 25 апреля 2023, с <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/69314>

была подробно и глубоко продумана организаторами парада, инициатива ее проведения исходила от самого верховного главнокомандующего, И.В. Сталина... потому существуют все основания считать ее неотъемлемым компонентом политики памяти того времени» (Русакова, 2022, с. 76–77).

В связи с общественным запросом на освобождение Мавзолея Ленина от скрывающих его облик фанерных загоронок, с открытым письмом к В.В. Путину в апреле 2023 г. обратился председатель ЦК КПРФ, руководитель фракции КПРФ в Государственной Думе Г.А. Зюганов. В письме говорилось: «Для достижения победы и решения больших исторических задач России нужна сплоченность вокруг созидательных идей и ярких символов. Со слезами на глазах и гордостью в сердце наш народ чтит в майские дни величайший подвиг своих предков. В эти особые моменты негоже скрывать его важнейший символ. Драпировка Мавзолея Ленина включает в себе абсолютно порочный символизм... Празднование Дня Великой Победы мы должны рассматривать как важнейший акт сплочения народа. Смысл и содержание этого события – священны. Священны и все его символы. Позорная практика маскировать Мавзолей Ленина разлагающе разрушительна и нетерпима»¹³. Однако ответа на данное письмо так и не последовало.

Сталин – генералиссимус Победы. В народной памяти имя И.В. Сталина ассоциируется не только с репрессивной политикой, проводимой советским государством в период сталинского правления, но гораздо в большей степени с достижениями в области модернизации различных сфер общественной жизни советского государства и, что самое главное, с Великой Победой в Отечественной войне 1941–1945 гг., одержанной под его военно-политическим руководством.

Благодарность Сталину за построение под его руководством основ социалистического общества, за Победу в борьбе с мировым нацизмом выливается сегодня в набирающее силу народное движение по установлению в честь Сталина монументов, памятников и бюстов в городах и сельских поселениях. В современном Крыму Сталину, как и другим лидерам государств, принявшим участие в Ялтинской конференции 1945 г., в Ливадийском дворце в 2015 г. был установлен памятник. В 2019 г., в день 74-й годовщины Победы, в Новосибирске открыли бюст с надписью «Генералиссимус Советского Союза Сталин»¹⁴. В Волгограде возле музея-панорамы «Сталинградская битва» 1 февраля 2023 г. был торжественно открыт памятник генералиссимусу Иосифу Сталину, а также двум советским маршалам – Георгию Жукову и Александру Василевскому¹⁵.

¹³ Геннадий Зюганов: Мавзолей Ленина – свидетель величайшего триумфа в нашей истории! (2023, 11 апреля). *Красная линия*. Взято 25 апреля 2023, с <https://www.rline.tv/news/2023-04-11-gennadiy-zyuganov-mavzoley-lenina-svidetel-velichayshego-triumfa-v-nashey-istorii/>

¹⁴ В Новосибирске торжественно открыли памятник Иосифу Сталину (2019, 9 мая). *Реальное время*. Взято 25 апреля 2023, с <https://realnoevremya.ru/news/138699-v-novosibirske-torzhestvenno-otkryli-pamyatnik-iosifu-stalinu>

¹⁵ «Наш город 36 лет носил его имя»: в Волгограде торжественно открыли памятник Иосифу Сталину (2023, 1 февраля). *V1.ru – новости Волгограда*. Взято 25 апреля 2023, с <https://v1.ru/text/gorod/2023/02/01/72023600/>

Все эти коммеморативные акции в честь Сталина как генералиссимуса Великой Победы явно противоречат официальной позиции российской государственной власти, которая не торопится с признанием личных заслуг Сталина перед советским государством и обществом. Об этом, например, говорилось на прошедшей в июне 2022 г. академической дискуссии «Какова роль Сталина в Великой Отечественной войне», организованной Российским военно-историческим обществом. Участниками был зафиксирован «разрыв между официальным дискурсом политики памяти, хранящим упорное молчание о роли и значении Сталина в советской и мировой истории, и дискурсом народной памяти о Сталине как о крупном государственном деятеле, выдающемся стратегом и полководцем Второй мировой войны» (Русакова, 2022, с. 162).

Как мы видим, основные символы Великой Победы смогли достаточно прочно закрепиться в народной памяти россиян, хотя не все из них получили такое же выражение в официальном дискурсе политики памяти. Тем не менее сам факт глубокого проникновения в коллективную память символических смыслов Победы, выступающих в качестве стержневой ценностной основы для формирования национальной идентичности современной России, свидетельствуют об определенных успехах проводимой государственными институтами политики памяти.

Заключение

Постановка вопроса о рассмотрении государственной политики памяти в качестве фактора формирования российской национальной идентичности, на наш взгляд, позволяет конструктивно решать целый ряд исследовательских и практических задач:

1) Анализ государственной политики памяти в качестве сложно структурированной и динамично действующей системы механизмов, производящих конструирование в массовом сознании представлений о ценностном характере общего для россиян исторического прошлого, что способствует выработке мировоззренческих и духовно-нравственных установок, образующих в своей структурной целостности российскую идентичность.

2) Раскрытие альтернативных по отношению к ценностным установкам государственной политики памяти идейно-политических течений, претендующих на доминирующую роль в управлении исторической памятью и стремящихся внедрить в сознание и поведенческие практики россиян нетрадиционные для них ценности идентичности. К данным течениям, на наш взгляд, относятся: неолиберальная политика памяти, культивирующая стратегию и практику декоммунизации по отношению к советскому прошлому; экстремистские политические течения, чья деструктивная деятельность нацелена на разрушение государственного и ценностного единства российской нации.

3) Рассмотрение в качестве специального предмета исследования масштабных и значимых для современной России исторических событий и фигур, вокруг которых конструируется нарративная, образная, символическая и ценностная система, выстраиваемая государственной политикой памяти, складывается когнитивное пространство российской идентичности. В этой связи особое внимание

следует отвести аксиологическому (ценностному) анализу событий и исторических фигур, связанных с Великой Отечественной войной, с установлением ядерного паритета между США и СССР, с прорывными достижениями советского государства в области разрушения мировой колониальной системы, освоения космоса, которые стали возможными благодаря созданию в СССР условий для реализации творческой энергии граждан, для проявлений духа коллективизма, интернационализма, патриотизма, преданности гражданскому долгу. Именно эти ценностные установки активно интегрируются во внутреннюю структуру государственной политики идентичности современной России.

4) Применение методов качественных оценок деятельности российского государства в сфере создания им комплексной инфраструктуры политики памяти, используемой в качестве инструментария для формирования национальной идентичности как целостной ценностной системы, вызывающей у россиян чувства личной причастности и эмпатии в отношении ее базовых компонентов.

Успешность выполнения этих задач во многом зависит от правильности выбора исходных теоретико-методологических установок, что предполагает опору на комплексное применение ряда научных подходов – системно-функционального, дискурсивно-аналитического, конструктивистского, аксиологического, инструменталистского, факторного и др. На наш взгляд, целенаправленное изучение дискурса государственной политики памяти, взятого в качестве важного фактора формирования российской национальной идентичности, позволит внести инновационный вклад в разработку актуальных вопросов исторического самоопределения и геополитического позиционирования России.

Список литературы

1. Ассман, А. (2016). *Новое недовольство мемориальной культурой*. М.: Новое литературное обозрение.
2. Ассман, А. (2018). *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение.
3. Карпович, О.Г., Смагина, Л.А. (2023). Концепция традиционных духовно-нравственных ценностей в международных отношениях: российский подход. *Международная жизнь*, (1), 54–65.
4. Попова, О.В. (2019а). Государственная политика идентичности в экспертных оценках российских политологов. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (4), 50–55. <https://doi.org/10.21672/1818-510x-2019-61-4-050-056>
5. Попова, О.В. (2019b). Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок. *Южно-российский журнал социальных наук*, 20(4), 74–91. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-4-74-91>
6. Попова, О.В. (2020). О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии. *Политическая наука*, (4), 86–110. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>
7. Русакова, О.Ф. (Ред.). (2022). *Официальный дискурс российской*

политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретации, акторы, коммеморативные практики. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».

8. Семененко, И. С. (2018a). Прошлое на переднем крае политики идентичности. *Мировая экономика и международные отношения*, 62(11), 65–76. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76>

9. Семененко, И. С. (2018b). Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе. *Полис. Политические исследования*, (5), 70–87. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.07>

10. Семененко, И. С. (2020). Новые ракурсы политики идентичности: трудная память в музеях истории XX века. *Мировая экономика и международные отношения*, 64(5), 16–32. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-16-32>

11. Титов, В. В. (2017). *Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции*. М.: Ваш формат.

12. Титов, В. В. (2019). Российская национальная идентичность: вызовы цифровой эпохи. *Социально-гуманитарные знания*, (5), 187–193.

13. Фадеева, Л. А. (2021). Современные вызовы политики идентичности в ЕС. *Современная Европа*, (7), 18–26. <https://doi.org/10.15211/soveurope720211826>

14. Фадеева, Л. А. (2022). Политика памяти и идентичности в Европейском союзе: сопряженные понятия, рассогласованные практики. *Международная аналитика*, 13(3), 79–93. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-79-93>

15. Шерпер, Ю. (2009). Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти. *Pro et Contra*, 13(3–4), 89–108.

16. Bottici, Ch. (2010). European identity and the politics of remembrance. In K. Tilmans, F. van Vree, & J. M. Winter (Eds.), *Performing the past: Memory, history and identity in modern Europe* (pp. 335–359). Amsterdam: Amsterdam University Press.

17. Eder, K., & Spohn, W. (Eds.). (2016). *Collective memory and European identity*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315259956>

18. Stoicheva, M. (2018). EU cultural policy and European identity: A way to view their correlation. *Южно-Российский журнал социальных наук*, 19(4), 92–108. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-4-92-108>

References

1. Assman, A. (2016). *Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj* [New discontent with memorial culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

2. Assman, A. (2018). *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

3. Bottici, Ch. (2010). European identity and the politics of remembrance. In K. Tilmans, F. van Vree, & J. M. Winter (Eds.), *Performing the past: Memory, history and identity in modern Europe* (pp. 335–359). Amsterdam: Amsterdam University Press.

4. Eder, K., & Spohn, W. (Eds.). (2016). *Collective memory and European identity*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315259956>
5. Fadeeva, L. A. (2021). Sovremennye vyzovy politiki identichnosti v ES [Contemporary policy challenges identity in the EU]. *Sovremennaya Evropa*, (7), 18–26. <https://doi.org/10.15211/soveurope720211826>
6. Fadeeva, L. A. (2022). Politika pamyati i identichnosti v Evropejskom soyuze: sopryazhennye ponyatiya, rassoglasovannye praktiki [Memory and identity politics in the European Union: Related concepts, disparate practices]. *Mezhdunarodnaya analitika*, 13(3), 79–93. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-79-93>
7. Karpovich, O. G., & Smagina, L. A. (2023). Konceptiya tradicionnykh duxovno-nravstvennykh cennostej v mezhdunarodnykh otnosheniyax: rossijskij podxod [The concept of traditional spiritual and moral values in international relations: The Russian approach]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, (1), 54–65.
8. Popova, O. V. (2019a). Gosudarstvennaya politika identichnosti v e'kspertnykh ocenках rossijskix politologov [State identity policy in expert evaluations of Russian political scientists]. *Kaspijskij region: politika, e'konomika, kul'tura*, (4), 50–55. <https://doi.org/10.21672/1818-510x-2019-61-4-050-056>
9. Popova, O. V. (2019b). Gosudarstvennaya politika identichnosti kak teoreticheskij konstrukt i real'naya praktika: opyt e'kspertnykh ocenok [Identity policy at national level as a theoretical construct and real practice: Expert assessments attempt]. *Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nykh nauk*, 20(4), 74–91. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-4-74-91>
10. Popova, O. V. (2020). O nereshennykh problemakh teorii gosudarstvennoj politiki identichnosti v rossijskoj politologii [Unresolved problems in the theory of state identity policy in Russian political science]. *Politicheskaya nauka*, (4), 86–110. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>
11. Rusakova, O. F. (Ed.). (2022). *Oficial'nyj diskurs rossijskoj politiki pamyati o sovetskom proshlom: strategii interpretacii, aktory, kommемorativnye praktiki* [The official discourse of the Russian politics of memory on the Soviet past: Interpretation strategies, actors, commemorative practices]. Ekaterinburg: Izdatel'skij dom «Diskurs-Pi».
12. Scherer, J. (2009). Otnoshenie k istorii v Germanii i Francii: prorabotka proshlogo, istoricheskaya politika, politika pamyati [Attitude to history in Germany and France: Study of the past, historical politics, politics of memory]. *Pro et Contra*, 13(3–4), 89–108.
13. Semenenko, I. (2020). Novye rakursy politiki identichnosti: Trudnaya pamyat' v muzeyax istorii XX veka [New dimensions of identity politics: Contested memories in history museums of the 20th century]. *Mirovaya e'konomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 64(5), 16–32. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-16-32>
14. Semenenko, I. S. (2018a). Proshloe na perednem krae politiki identichnosti [History on the frontline of identity politics]. *Mirovaya e'konomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 62(11), 65–76. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76>
15. Semenenko, I. S. (2018b). Nacionalizm, separatizm, demokratiya... Metamorfozy nacional'noj identichnosti v "staroj" Evrope [Nationalism, separatism, Metamorphoses of national identity in "old" Europe]

and democracy. New patterns of national identity in “old” Europe]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (5), 70–87. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.07>

16. Stoicheva, M. (2018). EU cultural policy and European identity: A way to view their correlation. *Yuzhno-Rossiiskij zhurnal social'nyx nauk*, 19(4), 92–108. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-4-92-108>

17. Titov, V. V. (2017). *Politika pamyati i formirovanie nacional'no-gosudarstvennoj identichnosti: rossiiskij opyt i novye tendencii* [The politics of memory and the formation of national-state identity: Russian experience and new trends]. Moscow: Vash format.

18. Titov, V. V. (2019). Rossijskaya nacional'naya identichnost': vyzovy cifrovoj e'poxi [Russian national identity: The challenges of the digital age]. *Social'no-gumanitarnye znaniya*, (5), 187–193.

Информация об авторе

Ольга Фредовна Русакова, доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Information about the author

Olga Fredovna Rusakova, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Philosophy Department, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru
